

Джек Финней

Похитители плоти

Джек Финней
Похитители плоти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150307

Аннотация

Инопланетная форма жизни, паразитирующая на чужих цивилизациях, пытается захватить землю, подменяя человеческие тела.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джек Финней

Похитители плоти

Глава 1

Предупреждаю: все, что вы будете читать, – это неупорядоченная мешанина обрывков безо всякой последовательности и вопросов без ответов. И не ждите, что в конце получите простое и удобное объяснение всего происшедшего, что все вопросы найдут разрешение. От меня, во всяком случае, не ждите. Потому что я как раз не могу сказать, что же случилось на самом деле или почему и как все это началось и кончилось, да и кончилось ли вообще. Так что если вам такое не по вкусу – лучше и не начинайте читать. Я могу рассказать только то, что знаю.

Для меня это началось около шести вечера, в четверг, 13 августа 1953 года, когда я закрыл дверь своего кабинета за последним пациентом с ощущением, что день для меня еще не закончился. Иногда я даже жалею, что избрал профессию врача, потому что мои предчувствия слишком часто сбываются. На сей раз, сделав нужные записи в журнале, я прошел в препараторскую, взял немного спирта и сделал себе коктейль, что со мной бывает крайне редко. Но в тот вечер, стоя у окна и глядя вниз на Мейн-стрит, я понемногу отхлебывал из стакана. Днем я делал операцию острого аппендицита, пообедать не успел и сейчас испытывал некоторое раздражение. Я еще не привык к неупорядоченной жизни и с горечью сознавал, что день близится к концу, не обещая ни развлечения, ни отдыха.

Поэтому, когда я услышал легкий стук в запертую дверь кабинета, мне остро захотелось постоять вот так, не шевелясь, пока тот, кто стучит, не уйдет восвояси. Медсестра моя уже убежала домой – подозреваю, что наперегонки с последним пациентом – и я задержался на какое-то время со стаканом в руке, делая вид, что не намерен отвечать на непрекращающийся стук. До темноты было еще далеко, но уже сгущались сумерки. Зажглось несколько неоновых реклам; Мейн-стрит была безлюдной, в шесть тут все поголовно обедают, и меня снова обожгло чувство одиночества и печали.

Стучать не переставали, поэтому, поставив стакан на стол, я открыл дверь и замер с идиотским видом: на пороге стояла Бекки Дрисколл.

– Привет, Майлз! – она улыбнулась, довольная удивлением и радостью, которые были написаны у меня на лице.

– Бекки, – пробормотал я, отступая в сторону, – рад тебя видеть. Заходи! – Я довольно усмехнулся, пропуская Бекки через приемную в кабинет. – Это что, – спросил я, прикрывая дверь, – визит к врачу?

Мне было так приятно ее видеть, что я испытывал радостный подъем и возбуждение.

– Эту неделю мы занимаемся аппендиксами, – весело сообщил я, – так что если надо...

Она ответила ухмылкой. Фигура у нее все такая же замечательная, отметил я про себя, шагая сзади. Вообще тело у Бекки прекрасное, правда, некоторые женщины считают, что у нее слишком широкие бедра, но ни один мужчина так не скажет.

– Нет, – Бекки остановилась у стола и повернулась ко мне, – мне врач не нужен.

Я поднял стакан, рассматривая его на свет.

– Я тут пьянствую целыми днями, как всем известно. Особенно в дни операций. И каждый посетитель должен выпить со мной, ты как, не против?

Я чуть не выронил стакан, потому что Бекки вдруг разрыдалась. Глаза ее наполнились слезами, она закрыла лицо ладонями и резко отвернулась, подрагивая плечами и тяжело всхлипывая.

– Глоток не помешает, – едва выдавила она из себя.

– Садись, – произнес я самым ласковым тоном, и Бекки обессиленно упала в кресло у стола. Я вышел в препараторскую и не спеша приготовил еще коктейль, потом вернулся и поставил стакан перед девушкой. Сделав это, я устроился напротив нее на вращающемся стуле; когда Бекки подняла взгляд, я просто кивнул ей, указывая на стакан, и немного отпил из своего. Я ободряюще улыбался Бекки, давай ей время овладеть собой. Теперь я мог внимательно присмотреться к ней. Лицо было то же самое – привлекательное, четко очерченное, те же ласковые и умные глаза, которые сейчас слегка покраснели, те же чуть припухлые красивые губы. Волосы были немного не такие, как прежде, возможно, она их подрезала – вообще-то они оставались того же темно-коричневого, почти черного цвета, такими же густыми и жесткими, но слегка курчавились, чего я раньше не замечал. Безусловно, она изменилась: сейчас ей было уже не восемнадцать, а далеко за двадцать, и на столько она и выглядела. И все-таки это была та же девушка, которую я знал в школе; мы с ней немного встречались, когда я был в выпускном классе.

– Как здорово снова видеть тебя, Бекки, – сказал я, приветливо улыбаясь. Потом поднес стакан к губам и зажмурился. Я хотел, чтобы она начала говорить о чем-то другом, а потом уже перешла к своим заботам.

– Рада видеть тебя, Майлз, – Бекки глубоко вздохнула и поудобнее устроилась в кресле со стаканом в руке. Она поняла мое намерение и ничего не имела против. – Помнишь, ты как-то зашел за мной? Мы собирались на танцы, и у тебя на лбу была эта надпись...

Я это помнил, но вопросительно поднял брови.

– У тебя на лбу было написано «МБ любит БД» то ли красными чернилами, то ли помадой. Ты настаивал, что так и будешь танцевать. Я чуть не устроила скандал, пока ты не стер надпись.

Я осклабился.

– Ну да, помню. – Тут мне кое-что пришло в голову. – Бекки, я слышал о твоём разводе. Сочувствую.

Бекки кивнула.

– Ничего, Майлз. И я о твоём слышала. Тоже сочувствую.

Я пожал плечами:

– Похоже, мы с тобой друзья по несчастью.

– Да. – Она изменила тон. – Майлз, я пришла насчет Вильмы. – Вильма была ее двоюродной сестрой.

– В чем дело?

– Не знаю. – Бекки некоторое время всматривалась в стакан, потом подняла глаза на меня. – У нее... – Бекки заколебалась: никто не любит называть такие вещи вслух, – ...ну, я думаю, ты назвал бы это галлюцинацией. Ты знаешь ее дядю Айру?

– Конечно.

– Майлз, она уверила себя, что это не ее дядя.

– Как это? – я отхлебнул из стакана. – Он что, на самом деле ей не родственник?

– Нет, нет, – она нетерпеливо покачала головой. – Я хочу сказать, она считает, что он...

– Бекки пожала плечами, – самозванец, что ли. Некто, только внешне похожий на Айру.

Я удивленно уставился на Бекки. Это было непонятно: Вильма выросла у своих тети с дядей.

– Она что, не может отличить?

– Нет. Она говорит, что этот выглядит точь-в-точь как дядя Айра, точно так же разговаривает и ведет себя. Она только знает, что это не Айра, и все. Майлз, меня это очень пугает. – Слезы снова навернулись ей на глаза.

– Не забывай, – пробормотал я, кивая на ее стакан и хорошенько отпивая из своего. Откинувшись в кресле, я задумчиво уставился в потолок. Вильма славилась своей рассудительностью. Лет ей было около тридцати пяти, она была некрасивая – краснощекая, коротконогая и полноватая, но с хорошим характером. Вильма так и не вышла замуж; я убежден, что она не возражала бы, уверен, что из нее вышла бы прекрасная жена и мать, но вот не судилось. Заведую городской библиотекой, она еще держала магазинчик поздравительных открыток, надо сказать, у нее все очень здорово получалось. Во всяком случае, она зарабатывала себе на жизнь, что не так просто в маленьком городке. Вильма не стала ни злою, ни занудой, у нее был острый, несколько скептический склад ума, она знала, что к чему, и не обманывала себя. Я не мог себе представить, чтобы Вильма позволила какой-то душевной неустроенности овладеть собой, но как знать... Я взглянул на Бекки.

– Что я должен делать?

– Пойдем туда сегодня, Майлз. – Она умоляюще наклонилась ко мне. Сейчас же, если можешь, пока еще не стемнело. Я хочу, чтобы ты посмотрел на дядю Айру, поговорил с ним, ты же его знаешь много лет.

Я растерянно поставил стакан на стол, глядя на Бекки:

– Что ты несешь? О чем это ты, Бекки? Разве и ты считаешь, что это не Айра?

Она вспыхнула:

– Конечно, считаю! – Бекки вдруг закусила губу, покачивая в замешательстве головой. – О, я не знаю, Майлз, я не знаю! Ясное дело – это дядя Айра! Конечно же, это он... но вот Вильма так уверена... – Она заломила руки. – Майлз, я не знаю, что же там происходит.

Я встал и подошел к ее креслу:

– Ладно, поехали, – мягко выговорил я. – Успокойся, Бекки, – я ласково положил руку ей на плечо. – Что бы там ни было, всегда есть какая-то причина, мы ее найдем и что-нибудь сделаем. Пошли.

Я повернулся, раскрыл дверцу шкафа, чтобы взять шляпу, и почувствовал себя идиотом. Потому что шляпа моя находилась там, где всегда, – на голове Фреда. Фред – это прекрасно отполированный, весь на шарнирах мужской скелет, который стоит у меня в шкафу рядом с меньшим, женским; держать их на виду – значит пугать посетителей. Оба скелета подарил мне отец на Рождество, когда я начал учиться в медицинском колледже. Для студента-медика очень полезная вещь, но, по-моему, отец преподнес их мне только потому, что где-то достал огромную, метра под два, коробку, которую перевязал черной и зеленой ленточками. Сейчас Фред и его подруга торчат в шкафу в моем кабинете, вот я и цепляю свою шляпу на его сверкающую брахицефальную макушку. Моя медсестра считает это верхом неприличия, а вот у Бекки они вызвали только легкую усмешку.

Я пожал плечами, взял шляпу и закрыл дверцу.

– Мне иногда кажется, что я слишком несерьезный, скоро мне никто не доверит выписывать аспирин от насморка.

Я позвонил на телефонную станцию, предупредил дежурную, куда отправляюсь, и мы поехали посмотреть на дядю Айру.

Чтобы уж все было понятно: меня зовут Майлз Бойз Беннелл, мне двадцать восемь лет, и я практикую в Санта-Мире, штат Калифорния, чуть больше года.

До того, после окончания Стэнфордского медицинского колледжа, я проходил стажировку в больнице. Я родился и вырос в Санта-Мире, отец мой был тут врачом до меня, и неплохим к тому же, так что затруднений с клиентурой у меня не было. Рост мой метр восемьдесят, вес семьдесят килограммов, у меня голубые глаза, черные, немного курчавые волосы, пока еще достаточно густые, хотя на макушке уже проглядывает лысинка – фамильная черта. Меня это не волнует; в конце концов, ничего не поделаешь, хотя некоторые и считают, что врачи что-нибудь такое придумают. Я играю в гольф и занимаюсь плаванием,

когда есть время, поэтому всегда в форме. Пять месяцев тому назад я развелся с женой и теперь жил один в большом старомодном доме, утопающем в зелени. В этом доме жили мои родители, после их смерти он достался мне. Вот, собственно, и все. У меня «форд» 1952 года с откидным верхом, ярко-зеленого цвета; я не слышал о законе, который требовал бы, чтобы все врачи разъезжали в маленьких черных седанах.

Мы свернули на Дьюи-авеню и увидели дядю Айру на газоне перед его домом. Дьюи-авеню – большая, широкая и тихая улица, дома стоят далеко друг от друга и на значительном расстоянии от тротуара. Верх у моей машины был откинут, и дядя Айра, увидев нас, приветливо помахал рукой.

– Добрый вечер, Бекки. Привет, Майлз! – с улыбкой произнес он.

Мы помахали в ответ и вышли из машины. Бекки направилась в дом, сказав что-то любезное дяде Айре. Я же пошел прямо к нему, с беззаботным видом держа руки в карманах.

– Добрый вечер, мистер Ленц.

– Как дела, Майлз? Многих сегодня отправил на тот свет? – он хихикнул, как будто это была свеженькая шутка.

– Перевыполнил норму, – осклабился я, останавливаясь рядом с ним. Это приветствие было у нас чуть ли не ритуальным. Я стал напротив дяди Айры и смотрел ему прямо в глаза, лицо его было всего в полуметре от моего. На улице стояла приятная погода: тепло, градусов двадцать, солнце еще не совсем зашло. Не знаю, что я рассчитывал увидеть, но, конечно же, это был дядя Айра, тот самый мистер Ленц, которого я знал, когда еще был мальчишкой и каждый день приносил в банк вечернюю газету. Он тогда был главным кассиром – сейчас он уже на пенсии – и всегда уговаривал меня положить в банк свои сверхприбыли от газетного бизнеса. Сейчас он выглядел точно так же, только за прошедшие пятнадцать лет волосы у него стали совсем седыми. Роста он немалого – метра под два, и хотя походка у него уже не такая легкая, как была, дядя Айра остается приятным крепким стариком с хитроватыми глазками. Итак, именно он, и никто другой, стоял теперь на газоне в сгущающихся сумерках. И мне сделалось страшно за Вильму.

Мы немного побеседовали, так, ни о чем: городские события, погода, дела, новое шоссе через Санта-Миру; я старательно следил за каждой чертой его лица, прислушивался к каждой интонации его голоса, присматривался к каждому жесту. Однако трудно делать два дела сразу, и он обратился ко мне:

– Чем-то расстроен, Майлз? Что-то ты сегодня не в себе.

Я улыбнулся и пожал плечами:

– Похоже, работа не отпускает меня и дома.

– А ты ее гони. Я всегда так делал. Выбрасывал банковские дела из головы, как только вечером надевал шляпу. Президентом, конечно, так не станешь. – Он хмыкнул. – Только президент давно помер, а я все живу.

Черт возьми, это был дядя Айра – каждой черточкой лица, каждым словом, движением, даже помыслом; и я почувствовал себя последним идиотом. Бекки с Вильмой вышли из дому и уселись на качалку на веранде, я помахал им рукой и направился к дому.

Глава 2

Вильма сидела на качалке рядом с Бекки, дружелюбно улыбаясь. Когда я приблизился к веранде, она негромко произнесла:

– Хорошо, что ты пришел, Майлз.

– Привет, Вильма, рад тебя видеть. – Я сел лицом к девушкам на широкие перила веранды, упершись спиной в столбик.

Вильма вопросительно взглянула на меня, потом показала глазами на своего дядю, который снова начал возиться на газоне:

– Ну? И что?

Я тоже посмотрел на Айру, потом перевел взгляд на Вильму:

– Это он, Вильма. Твой дядя, и никто иной.

Она только кивнула, будто ожидая именно такого ответа.

– Нет, это не он, – произнесла Вильма спокойно, не споря, а просто констатируя факт.

– Ладно, – сказал я, плотнее прижимаясь к столбику, – давай разберемся. В конце концов, тебя не обманешь: вы живете вместе столько лет. Почему ты думаешь, что он не дядя Айра? В чем отличия?

На мгновение ее голос сорвался, в нем сквозило отчаяние:

– Я знаю – это не он. – Она успокоилась и слегка наклонилась в мою сторону. – Майлз, никаких отличий не видно. Я надеялась, что ты что-нибудь обнаружишь, когда Бекки сказала, что ты тут, вдруг ты заметишь какую-нибудь мелочь. Но ясно, что тебе это не удастся, потому что никакой разницы нет. Посмотри-ка на него.

Мы снова взглянули в сторону газона, где дядя Айра неторопливо ковырял ногой какой-то сорняк.

– Малейшее движение, все-все, как у дядюшки. – Сейчас ее круглощекое лицо было взволнованно. Она уставилась на меня напряженным взглядом. – Я ждала сегодняшнего дня, – прошептала она. – Ждала, когда он сходит в парикмахерскую. Сегодня он там был. – Она нагнулась ко мне, глаза у нее расширились, шепот стал похожим на свист. – У него на шее сзади небольшой шрам, которого не видно, когда волосы отрастают. Но когда шея выбрита, шрам заметен. Так вот, сегодня – я ждала этого – он побывал в парикмахерской.

Я приподнялся, охваченный внезапным волнением.

– И шрам исчез? Ты хочешь сказать...

– Нет! – чуть ли не с возмущением выкрикнула она. – Он там, шрам, точно такой, как у дяди Айры!

Я помолчал. Рассматривая носки своих туфель, я не отваживался взглянуть на Бекки и в то же время не мог поднять глаз на бедняжку Вильму. Наконец, я поднял голову и сказал, глядя ей прямо в глаза:

– Тогда, Вильма, это все-таки дядя Айра. Разве ты не видишь? Что бы ты ни ощущала, он...

Вильма только мотнула головой и твердо сказала:

– Нет.

На мгновение я растерянно смолк, я не знал, что говорить дальше.

– Где тетя Алида?

– Все в порядке, она наверху. Главное, чтобы... этот не услышал.

Я закусил губу, пытаюсь собраться с мыслями.

– А как его привычки? – спросил я. – Может, что-то неестественное?

– Все как у дяди Айры. Точь-в-точь.

Конечно, это было неприлично, но я не смог сдержаться:

– Так в чем же разница? Если ничего нет, откуда ты знаешь... – я сразу овладел собой и попробовал быть логичным. – А как насчет воспоминаний, Вильма? Должны быть мелочи, о которых знали только ты и дядя Айра.

Отталкиваясь ногой от пола, она стала слегка раскачиваться, бросая взгляды на дядю Айру, который присматривался к одному из деревьев, будто размышляя, подрезать его или нет.

– Я и это проверила, – наконец произнесла она. – Разговаривала с ним о моем детстве. – Она вздохнула, заранее уверенная, что все ее попытки убедить меня окажутся напрасными. – Как-то раз, много лет назад, он повел меня в магазин. Там на прилавке стояла маленькая дверь в миниатюрной раме, кажется, это была реклама нового замка. Дверь была на крошечных петельках, с настоящей ручкой, даже с маленьким медным молоточком. Конечно, я захотела иметь эту дверь и подняла крик, когда мне отказали. Он помнит все подробности. Что говорила я, что говорил продавец, что он сам говорил.

Даже название магазина, а его уже много лет как нет. Он помнит даже то, что я сама забыла – например, тучку, которую мы видели как-то в воскресенье после утреннего киносеанса. Эта тучка напоминала кролика. О, он помнит все. Как и положено дяде Айре.

Я терапевт, а не психиатр, и сейчас понимал, что это вне моей компетенции. Некоторое время я сидел, всматриваясь в свои сцепленные пальцы и прислушиваясь к легкому скрипу качалки. Потом сделал еще одну попытку, стараясь говорить как можно спокойнее и убедительнее:

– Слушай, Вильма, я на твоей стороне; это моя забота, когда люди в беде. Ты знаешь не хуже меня, что случилось плохое. И ты нуждаешься в помощи, а я хочу найти способ ее оказать. Теперь слушай меня. Я не прошу тебя сразу согласиться с тем, что все это ошибка, что в конце концов это твой дядя Айра, а с тобой что-то произошло. Я не требую, чтобы ты перестала эмоционально ощущать, что это не твой дядя. Но я хочу, чтобы ты восприняла разумом, что он дядюшка, что бы ты там ни испытывала, и что беда скрыта в тебе самой. Абсолютно невозможно, чтобы два человека были совершенно одинаковы, что бы там ни писали в книжках и ни показывали в кино. Даже однояйцевых близнецов всегда могут различить близкие им люди.

Никто не смог бы разыграть роль твоего дядюшки Айры так, чтобы через минуту ты, Бекки и даже я не заметили бы миллиона мелких отличий. Пойми это, Вильма, подумай об этом и хорошенько усвой, и ты увидишь, что беда внутри тебя самой.

Закончив свою речь, я замер в ожидании ответа. Ритмично отталкиваясь ногой от пола, Вильма на минуту задумалась над тем, что я только что сказал. Потом – глаза ее отрешенно смотрели куда-то вдоль веранды – она сжала губы и медленно покачала головой.

– Слушай, Вильма, – я резко подался вперед, бросая слова и не отпуская ее взгляда, – твоя тетя Алида должна знать! Разве ты не понимаешь? Кого-кого, а ее не обманешь! Она-то что говорит? С ней ты разговаривала?

Вильма снова покачала головой и отвела взгляд куда-то в сторону.

– Почему нет?

Она медленно повернулась ко мне, на мгновение ее глаза пристально уставились в мои, но вдруг по ее полному, искривленному лицу побежали слезы:

– Потому что... Майлз... это тоже не тетя Алида! – она остановила на мне взгляд, полный невыразимого ужаса, потом добавила шепотом, больше похожим на крик:

– О, Боже мой, Майлз, неужели я схожу с ума? Скажи мне, Майлз, не жалею меня, я должна знать!

Бекки с перекошенным от жалости лицом держала руку Вильмы, сжимая ее в своих ладонях.

Я изобразил улыбку, будто и в самом деле имел представление о том, что говорю:

– Нет, Вильма, нет, – я коснулся ее руки, вцепившейся в качалку. – Даже в наше время, Вильма, не так легко потерять разум, как кажется.

Стараясь говорить спокойно, Бекки произнесла:

– Я всегда слышала, что если считаешь, что сходишь с ума, то на самом деле наоборот.

– Бекки близка к истине, – кивнул я, хотя прекрасно знал, что это ложь.

– Но, Вильма, для того, чтобы обратиться к психиатру, вовсе не обязательно впасть в безумие. Обратись. В этом нет ничего предосудительного, а многим помогает...

– Ты не понимаешь, – она снова смотрела на дядю Айру, и голос ее теперь звучал глухо и отчужденно. Потом, с благодарностью пожав руку Бекки, она твердо и спокойно обратилась ко мне:

– Майлз, он выглядит, разговаривает, совершает поступки, помнит все точь-в-точь как Айра. Внешне. Но внутренне он другой. В его поведении есть... – она запнулась, подыскивая слово, – какая-то эмоциональная недостаточность, если можно так сказать. Он помнит прошлое – в мелочах, он может улыбнуться и сказать: «Ты была такой резвой девчонкой, Вильма, и умненькой к тому же» – точно так, как делал дядя Айра. И все-таки чего-то не хватает; а в последнее время это касается и тети Алиды. – Вильма замолчала, всматриваясь куда-то сквозь меня, с напряженным лицом, вся поглощенная своими мыслями, потом продолжала:

– Дядя Айра мне вместо отца с самого детства, и когда он разговаривал о моих детских годах, Майлз, у него в глазах всегда был какой-то особенный блеск, который означал, что он помнит те чудесные дни. Майлз, этот блеск где-то в глубине его глаз, он исчез. Этот дядя Айра, или кто он там есть, я чувствую, – нет, знаю наверняка, разговаривает по привычке, по инерции. Он держит в голове все события и факты из памяти дяди Айры, до самой последней мелочи. Но не эмоции. Никаких эмоций – только их подобие. Все есть – слова, жесты, интонации – все, кроме чувств. – Ее голос внезапно приобрел твердость и уверенность. – Майлз, что бы там ни было, возможно это или нет, – это не мой дядя Айра.

Разговаривать больше было не о чем, и Вильма понимала это не хуже меня.

Она встала, улыбнулась и сказала:

– Давай оставим это, а то, – она кивнула в сторону газона, – он начнет догадываться.

Я все еще не понимал.

– Догадываться? О чем?

– Догадываться, – терпеливо пояснила она, – не подозреваю ли я чего-то. – Она протянула мне руку. – Ты все-таки помог мне, Майлз, и я не хочу, чтобы ты волновался за меня. – Она обернулась к Бекки. – И ты тоже, – Вильма улыбнулась. – Я твердый орешек, и вы это знаете. Со мной все будет в порядке. Но если ты хочешь, чтобы я побывала у твоего психиатра, Майлз, я согласна.

Я кивнул, добавил, что договорюсь насчет нее с доктором Манфредом Кауфманом из Вэлли-Спрингс, лучшим специалистом, которого я знаю, и позвоню ей утром. Я продолжал нести какую-то чушь о том, что не надо волноваться и прочее, но Вильма мягко усмехнулась и положила руку мне на плечо, будто прощая мне какую-то вину. Потом она поблагодарила Бекки, сказала, что хочет лечь спать немного раньше, а я предложил Бекки отвезти ее домой.

Направляясь к машине, мы остановились возле дяди Айры, и я сказал:

– Спокойной ночи, мистер Ленц.

– Спокойной ночи, Майлз, заходи еще. – Он улыбнулся Бекки и добавил, обращаясь все еще ко мне: – Хорошо снова иметь Бекки рядом, правда? – он разве что не подмигнул.

– Еще бы, – я ухмыльнулся, а Бекки пробормотала «спокойной ночи» и поспешила к машине.

Сев за руль, я осведомился у Бекки, не желает ли она где-нибудь отужинать или что-нибудь в этом роде, но не удивился, когда она отказалась.

Бекки жила всего за три квартала от меня, в большом старомодном доме, где родился еще ее отец. Когда мы подъехали, Бекки спросила:

– Майлз, как ты думаешь – с ней все будет в порядке?

Я задумался, пожал плечами:

– Не знаю. Я врач согласно диплому, но не психиатр и не знаю, что с Вильмой. Я могу пользоваться лексиконом психиатров, но это не мой хлеб, а Мэнни Кауфмана.

– По-твоему, он ей поможет?

Откровенность тоже имеет свои пределы, и я ответил:

– Да. Если кто-то и может ей помочь, то это Мэнни. Я уверен, он ей поможет. – На самом деле я вовсе не был в этом уверен.

У двери дома, неожиданно даже для себя, я произнес:

– Завтра вечером?

Бекки рассеянно кивнула, все еще думая о Вильме, и ответила:

– Да. Часов в восемь?

– Прекрасно. Я заеду за тобой.

Можно было подумать, будто мы уже много месяцев вместе, хотя на самом деле мы просто продолжили с той точки, где остановились несколько лет назад. Возвращаясь к машине, я испытывал спокойствие и удовлетворение, каких уже давно не ощущал.

Наверное, это выглядит бессердечно, ведь мне следовало бы волноваться за Вильму, и так оно и было где-то в глубине сознания. Но врач привыкает потому что иначе нельзя – не слишком переживать за своих больных, если такое волнение не приносит пользы. Этому не учат в медицинском колледже, но это не менее важно, чем умение владеть стетоскопом. Нужно, чтобы ты был способен сразу от только что умершего больного идти в свой кабинет и с должной дотошностью доставать пылинку из глаза очередного посетителя. А если ты этого не можешь, лучше расстаться с медициной.

Я пообедал у Элмана, пристроившись у стойки, и заметил, что ресторан почти пуст; меня это удивило. Потом я поехал домой, натянул пижаму и улегся с детективом в руках, искренне надеясь, что телефон не будет звонить.

Глава 3

На следующее утро, когда я пришел на работу, в приемной меня ждала пациентка – тихая маленькая женщина лет за сорок. Она села в кожаное кресло перед моим столом, сложив на коленях руки, в которых держала кошелек, и сообщила о своей полной уверенности в том, что ее муж – совсем не ее муж. Она спокойно рассказала, что он выглядит, ведет себя и разговаривает точь-в-точь так, как это всегда делал ее муж, а они женаты восемнадцать лет, однако это не он. Это была история Вильмы один к одному, за исключением мелких деталей, и, когда она ушла, я позвонил Мэнни Кауфману и договорился насчет двух больных.

Короче говоря, к следующему вторнику, когда должно было состояться собрание медицинской ассоциации округа, я направил к Мэнни еще пятерых.

Одним из них был способный, уравновешенный молодой адвокат, которого я хорошо знал; он был уверен, что замужняя сестра, вместе с которой он жил, на самом деле вовсе не его сестра, хотя муж ее, по-видимому, так не считал. Матери трех старшеклассниц вместе пришли ко мне с жалобой, что над девочками в школе смеются, потому что те утверждают, что их учительница английского языка – самозванка, которая точно копирует настоящую учительницу. Девятилетнего мальчика привела бабушка, он теперь жил у нее, потому что с ним делалась истерика, когда он видел свою мать, которая, как он говорил, совсем не его мать.

Мэнни Кауфман уже ждал меня, когда я приехал на собрание, немного раньше, чем обычно. Я поставил машину возле Зала легионеров – там мы проводили собрания – и не успел выключить зажигание, как меня кто-то позвал из машины, стоявшей дальше в ряду. Я вышел и направился к ней, ожидая очередных издевок по поводу моего зеленого авто.

На переднем сиденье я увидел Мэнни и доктора Кармайкла, еще одного психиатра из Вэлли-Спрингс. Сзади сидел Эд Перси, мой конкурент из Санта-Мирры.

Дверца была открыта, и Мэнни упирался ногами в асфальт, зажимая в руке горящую сигарету. Мэнни – темноволосый, несколько нервного вида, красивый малый, он напоминает интеллигентного футболиста. Кармайкл и Перси старше его и солиднее.

– Что это за чертовщина творится в Санта-Мирре? – спросил Мэнни, когда я подошел. Он оглянулся на Эда, подчеркивая, что вопрос касается и того. Я понял, что у Эда тоже есть несколько аналогичных случаев.

– Это у нас новое модное хобби, – объяснил я, опершись на раскрытую дверцу машины, – вместо декоративных тканей и керамики.

– Значит, это первый инфекционный невроз в моей практике, – полушутя-полурассерженно произнес Мэнни. – Но ведь, Бог свидетель, у нас самая настоящая эпидемия. Если так и дальше пойдет, нам придется нищенствовать, мы же понятия не имеем, что делать с этими людьми. Так, Чарли? – Он оглянулся через плечо на Кармайкла, который сидел за рулем.

Тот едва заметно нахмурился. Кармайкл человек чванливый, несколько церемонный, а у Мэнни светлая голова.

– Весьма необычная последовательность случаев, – рассудительно подытожил Кармайкл.

– Конечно, – заметил я, – психиатрия еще в детском возрасте. Это недоношенное приемное дитя медицины, и вполне естественно, что вы оба не в состоянии...

– Хватит глупостей, Майлз, эти случаи загнали меня в безвыходное положение. – Мэнни задумчиво смотрел на меня, затягиваясь дымом и прищуривая глаза. – Хотите знать, что я сказал бы о любом из этих случаев, если бы это не было абсолютно невозможно? Я сказал бы, что это никакая не мания. По всем признакам, какие мне известны, эта Ленц, например, вовсе не невротичка. По крайней мере, сейчас. Я бы сказал, что она совсем не

по моей части, что ее беспокойство обусловлено внешними и реальными причинами. Я бы сказал, судя, конечно, по поведению больной, что она права и что ее дядя на самом деле ей не дядя. За одним-единственным исключением – этого не может быть.

Мэнни выбросил сигарету и раздавил ее носком ботинка. Потом он вопросительно посмотрел на меня и добавил:

– Но столь же невозможно, чтобы целых девять жителей Санта-Миры одновременно постигла абсолютная идентичная мания. Правда, Чарли? Однако похоже на то, что именно так и случилось.

Кармайкл не ответил, и некоторое время все молчали. Потом Эд Перси вздохнул и произнес:

– Сегодня под вечер явился еще один. Мужчина под пятьдесят. Я его лечу много лет. У него взрослая дочь. Теперь это не его дочь, говорит он. Тот же случай. – Он пожал плечами и обратился к сидящим впереди:

– Направить его к кому-нибудь из вас, ребята?

Некоторое время никто не отвечал. Потом Мэнни отозвался:

– Не знаю. Делай, как хочешь. Если этот такой же, как и другие, я ничем не смогу помочь. Может, Чарли не испытывает такой беспомощности.

Кармайкл сказал:

– Можешь направить его ко мне, я сделаю, что смогу. Но Мэнни прав, это, конечно, не ординарные случаи мании.

– Или чего-то еще, – добавил Мэнни.

– А не попробовать ли кровопускание? – поинтересовался я.

– И это можно, – согласился Мэнни.

Настало время заходить. Мы направились в зал. Собрание было не менее интересным, чем обычно: мы выслушали бестолковый и скучный доклад какого-то профессора, и мне ужасно захотелось к Бекки, или домой, или хотя бы в кино. После собрания мы с Мэнни еще немного поговорили, стоя в темноте возле моей машины, но тема была исчерпана, Мэнни попытожил:

– Ну, что ж, будем держать связь, да, Майлз? Это дело нужно раскусить.

Я согласился, сел в машину и поехал домой.

На прошлой неделе мы виделись с Бекки чуть ли не через день, но не потому, что между нами завязывался роман. Просто это было лучше, чем вертеться в бассейне, раскладывать пасьянс или собирать марки. С ней было приятно и удобно провести вечер-другой, ничего более, и меня это вполне устраивало. В среду вечером я заехал за ней, и мы решили пойти в кино. Я позвонил на телефонную станцию, сказал девушке, что еду в «Секвойю», и добавил, что бросаю практику и начну делать подпольные аборты, а ее приглашаю стать моей первой пациенткой, и она весело хихикнула. Потом мы с Бекки пошли к машине.

– Вид у тебя прямо-таки роскошный, – сказал я Бекки, когда мы приблизились к «форду», стоявшему на тротуаре. Я не преувеличивал: на ней был серый костюм, а через плечо была переброшена серебристая шаль, украшенная крохотными звездочками.

– Спасибо. – Бекки села в машину и улыбнулась мне. – Мне хорошо с тобой, Майлз, – сказала она. – Легче, чем с кем бы то ни было. Думаю, это потому, что мы оба разведены.

Я кивнул и включил зажигание. Я знал, что она имеет в виду. Чудесно быть свободным, но все равно разрыв того, что отнюдь не предназначалось для разрыва, оставляет вас каким-то подавленным и не особенно уверенным в себе. Я знал, что мне очень повезло именно сейчас встретить Бекки. Потому что мы оба прошли через одни и те же испытания, а значит, были равны, без всяких невысказанных обид и притязаний, которые обычно понемногу накапливаются между мужчиной и женщиной. С любой другой я бы продвигался к одному

из неминуемых финалов – браку, связи или разрыву. А Бекки была именно тем, что нужно, и, управляя машиной в этот чудесный летний вечер, я чувствовал себя замечательно.

Мы едва нашли место для «форда» в конце квартала, и я купил два билета.

– Спасибо, доктор, – сказала кассирша. – Вы только договоритесь с Джерри.

Это означало, что она передаст мне любой вызов, если я скажу администратору, где мы сидим. Мы купили крекеры в фойе, зашли в зал и сели на свои места.

Нам повезло, мы посмотрели половину картины. Иногда мне кажется, что я смотрел до середины больше кинофильмов, чем кто-либо, и в моем мозгу возникает множество вопросов, на которые никогда не будет ответа: как начинаются одни фильмы и чем заканчиваются другие. Вот и теперь Джерри Монтроз, администратор, наклонился ко мне. Я выругался про себя – картина была интересная – и мы протолкались через пятьдесят человек, каждый из которых имел по крайней мере три колена.

Когда мы вышли из зала, Джек Беличек отступил от лотка, где продавали крекеры, и подошел к нам со смущенной улыбкой.

– Извините, Майлз, – сказал он, виновато посматривая на Бекки. – Я вам испортил вечер.

– Не за что, Джек. В чем дело?

Он не ответил, а пошел вперед, раскрывая перед нами дверь на улицу; я понял, что он не хочет разговаривать в фойе, так что мы вышли на тротуар, и он следом за нами. Мы остановились за рекламой кинотеатра, но и там он не объяснил, в чем дело.

– Никто не заболел, Майлз, не в том дело. Я даже не знаю, действительно ли тут нужна срочная помощь. Но... я хотел бы, чтобы вы сейчас поехали ко мне.

Мне нравится Джек. Он писатель, и неплохой – я читал одну из его книг.

Но я немного разозлился: такие вещи случались слишком уж часто. Целый день люди ждут, размышляют, стоит ли вызывать врача, и решают не делать этого, подождать еще, надеясь, что все и так пройдет. А потом становится темно, и есть в ночи что-то такое, что вынуждает людей в конце концов обратиться к врачу.

– Послушайте, Джек, – сказал я, – если это не срочно, если можно подождать до утра, почему бы и не сделать так? – Я показал на Бекки. – Я же не один... Кстати, вы знакомы?

Бекки улыбнулась и сказала: «Да». А Джек добавил:

– Конечно, я знаком с Бекки и с ее отцом тоже.

Он задумался, потом перевел взгляд с меня на Бекки и сказал:

– Вот что, возьмите с собой Бекки, если она не против. Неплохая мысль: она может помочь моей жене. – Он криво усмехнулся. – Не знаю, понравится ли ей то, что она увидит, но это намного интереснее любого кино, обещаю вам.

Я посмотрел на Бекки, она кивнула, и я больше ни о чем не спрашивал.

– Хорошо, – сказал я, – поедem в моей машине. Потом я подвезу вас сюда, чтобы вы забрали свою.

Мы поместились втроем на переднем сиденье. По дороге – Джек живет за городом – он ничего нового не сообщил, и я решил, что у него есть на то основания. Джек – сдержанный мужчина с тонкими чертами лица. Лет ему где-то под сорок, но он уже совсем седой. Он чрезвычайно разумный, проницательный, с утонченными чувствами. В этом я убедился в прошлом году, когда его жена заболела, и он обратился ко мне за помощью. У его жены вдруг поднялась температура, она была совершенно истощена, и я в конце концов поставил диагноз: пятнистая лихорадка Скалистых гор. Болезнь эта чрезвычайно редкая. В Калифорнии можно практиковать всю жизнь и ни разу с нею не столкнуться. Я понятия не имел, где она могла ее подхватить, но я не мог отнести эти симптомы к чему-то другому и для начала прописал лечение именно от пятнистой лихорадки. Тем не менее я должен был предупредить Джека, что это первый случай в моей практике, и он волен пригласить других специа-

листов. Я добавил, однако, что, насколько это вообще возможно, уверен в своем диагнозе, а противоположное мнение лишь вызовет неуверенность и не принесет пользы больной. Джек выслушал меня, задал несколько вопросов, все обдумал, а потом сказал, чтобы я приступал к лечению, что я и сделал. Через месяц она выздоровела, в благодарность напекла пирожков, и Джек привез целую кучу мне на работу.

Я уважал Джека за его решительный характер и сейчас ждал, когда он будет готов к разговору.

Мы проехали черно-белый знак на выезде из города, и Джек показал вперед:

– Сверните влево, на проселок, если помните, Майлз. Зеленый дом на пригорке.

Я кивнул и съехал с шоссе, переключив на вторую скорость, потому что начинался подъем.

Он попросил:

– Остановите на минутку, Майлз. Я хочу кое о чем вас попросить.

Я съехал на обочину, притормозил и обернулся к нему, не выключая двигателя.

Джек глубоко вздохнул и произнес:

– Майлз, есть определенные вещи, о которых врач обязан поставить в известность, если обнаружит их, так ведь?

Это было в равной мере и вопросом, и утверждением, и я кивнул.

– Инфекционные заболевания, например, – продолжал он, словно размышляя вслух, – или огнестрельные ранения, или мертвое тело. Вот что, Майлз, – он замялся, – всегда ли вы обязаны сообщать о них? Я имею в виду, существуют ли такие случаи, когда врач чувствует себя вправе пренебречь законом?

Я пожал плечами.

– Это зависит... – протянул я, не зная, что ответить.

– От чего?

– От врача, наверное. И от самого случая. В чем дело, Джек?

– Я пока не могу сказать; прежде всего я должен получить ответ на свой вопрос. – Он ненадолго задумался, потом повернулся ко мне. – Я поставлю вопрос по-другому. Можете ли вы представить себе ситуацию, какую угодно, допустим огнестрельное ранение, когда закон, устав или что там еще требуют, чтобы вы сообщили об этом? И вам будет угрожать серьезное наказание, если вы нарушите закон и это откроется – возможно вас даже лишат разрешения на практику? Можете вы себе представить такое стечение обстоятельств, когда вы рискуете своей репутацией, этикой, самой работой и все же умолчите о факте.

Я снова пожал плечами.

– Не знаю, Джек, может, такое и вероятно. По-моему, можно выдумать такую ситуацию, в которой я забыл бы о врачебном кодексе, если бы это было крайне важно и я чувствовал бы себя обязанным... – Вдруг я разозлился из-за всей этой таинственности. – Не знаю, Джек, к чему вы это все?

Слишком все расплывчато, и я не хочу создавать впечатление, будто я что-то обещал. Если у вас в доме есть что-то такое, о чем я обязан сообщить, то скорее всего выполню свой долг, больше я вам ничего сказать не могу.

Джек улыбнулся:

– Что ж, спасибо и на этом. Я думаю, об этом случае вы сообщать не станете. – Он показал на дом. – Поехали.

Я снова выехал на дорогу, и метров через тридцать впереди в свете фар возникла фигура, которая бежала нам навстречу. Это была женщина в домашнем халате и фартуке, она слегка поеживалась от вечерней прохлады. Я узнал Теодору, жену Джека.

Я подъехал и притормозил рядом с ней. Она поздоровалась:

– Здравствуйте, Майлз, – и обратилась к Джеку, заглядывая в машину через открытое окно с моей стороны.

– Я не могла оставаться там одна. Просто не могла. Извини.

Он заметил:

– Надо было взять тебя с собой. Глупо, что я этого не сделал.

Открыв дверь машины, я нагнулся, чтобы пропустить Теодору на заднее сиденье. Потом Джек представил ей Бекки, и мы поехали прямо к дому.

Глава 4

У Джека зеленый двухэтажный коттедж на склоне холма; гараж является продолжением подвала. Гараж был пуст, двери раскрыты, и Джек показал мне, что можно въезжать прямо туда. Потом мы вышли из машины, Джек включил свет, закрыл ворота гаража и, толкнув дверь, которая вела в подвал, пропустил нас вперед.

Мы вошли в самый обыкновенный подвал: там стояли корыта для белья, стиральная машина, козлы для пилки дров, лежали связки газет, а возле одной стены – несколько картонных ящиков и пустых банок из-под краски.

Джек подошел к другой двери, остановился, взявшись за ручку, и повернулся к нам. Я знал, что у него там неплохой, хотя и не новый, бильярдный стол; он говорил мне, что очень часто им пользуется, просто гоняя шары сам с собой – это помогает ему собраться с мыслями. Джек взглянул на женщин.

– Возьмите себя в руки, – произнес он, потом зашел, потянул шнурок выключателя, и мы вошли следом за ним.

Лампа над бильярдным столом должна ярко освещать его поверхность. Она подвешена низко, чтобы свет не резал глаза игрокам, и потолок остается во тьме. У Джека лампа была еще охвачена прямоугольным абажуром, который ограничивал круг света лишь верхушкой стола, а все остальное помещение тонуло в полумраке. Я почти не различал лица Бекки, но услышал, как у нее перехватило дыхание. На ярко-зеленом сукне в слепящем свете 150-ваттной лампы, накрытое прорезиненной тканью, лежало какое-то тело. Я оглянулся на Джека, и он сказал:

– Ну-ка, снимите покрывало.

Ощущение раздражения и беспокойства не покидало меня: все это выглядело слишком уж таинственно, и у меня мелькнула мысль, что Джек специально нагнетает драматические эффекты. Я стащил ткань и отбросил ее в сторону.

На зеленом сукне лежал на спине обнаженный мужчина. Тело его было белоснежным, кожа в блестящем свете отдавала синевой, весь вид его был неестественным, театральным, но в то же время вполне, даже чересчур реальным. Тело было не толстое, весило килограммов семьдесят, но хорошо упитанное и мускулистое. Я не мог определить возраст, но это был явно не старик. Глаза, раскрытые навстречу потоку слепящего света, голубые и абсолютно прозрачные. На теле не было ни ран, ни каких бы то ни было признаков причины смерти. Я подошел к Бекки, взял ее под руку и повернулся к Джеку.

– И что?

Он покачал головой, воздерживаясь от комментариев.

– Смотрите дальше. Исследуйте его. Не замечаете ничего необычного?

Я снова повернулся к телу на столе. Мое раздражение все возрастало. В этом мертвом человеке действительно было что-то необычное, но я не мог понять, что именно, и из-за этого сердился еще больше.

– Послушайте-ка, Джек, – обернулся я к нему, – я ничего не вижу, кроме мертвого тела. Давайте-ка выясним тайну: в чем дело?

Он опять покачал головой, умоляюще глядя на меня.

– Майлз, успокойтесь, пожалуйста. Я не хочу пересказывать вам свои впечатления от всего этого, не хочу воздействовать на вас. Если тут есть что-то необычное, я хочу, чтобы вы сами увидели это. А если нет, если я выдумываю, я тоже хочу знать. Поймите меня, Майлз, – мягко произнес он. – Присмотритесь повнимательнее к этой штуке.

Я начал тщательно осматривать труп, не прикасаясь к нему, медленно передвигаясь вокруг стола, останавливаясь, чтобы присмотреться под разными углами. Джек, Бекки и Теодора отодвигались в сторону, когда я приближался к ним.

– Хорошо, – наконец вымолвил я неохотно, будто извиняясь. – В нем действительно есть что-то необычное. Вы не выдумываете. Или я тоже выдумываю. – Еще с минуту я постоял, всматриваясь в то, что лежало на столе. – Вот что, – решился выговорить я, – не часто встретишь такое тело, живое или неживое. Оно напоминает мне туберкулезных больных, которых я видел, – тех, кто почти всю жизнь проводит в санаториях. – Я посмотрел на присутствующих. – Нельзя прожить в нормальных условиях и не получить там и сям каких-нибудь шрамов или хотя бы маленьких царапин. Но эти больные из санаториев не имели возможности их получить, их тела оставались неповрежденными. Точно так же выглядит и это... – Я показал на бледное, неподвижное в лучах света тело. – Но оно не туберкулезное. Это крепко сбитое, здоровое тело, и мышцы у него развитые. Тем не менее оно никогда не играло в футбол или хоккей, не падало на цементный пол, никогда не ломало ни одной косточки. Вид у него такой, будто им... не пользовались. Вы это имели в виду?

Джек кивнул.

– Да. А еще что?

– Бекки, с тобой все в порядке? – Я посмотрел на нее через стол.

– Да, – кивнула она, покусывая губы.

– Лицо, – ответил я Джеку. Я стоял, всматриваясь в лицо – белое, как воск, абсолютно спокойное и неподвижное, с фиксированным взглядом прозрачных, как стекло, глаз. – Оно какое-то... незрелое. – Я не знал, как это точнее определить. – Кости развиты нормально, это лицо взрослого человека. Но вид у него... – я лихорадочно подыскивал нужное слово, но не мог найти, – какой-то незавершенный. Оно...

Джек перебил меня возбужденным от нетерпения голосом, он даже улыбнулся.

– Вы когда-нибудь видели, как делают медали?

– Медали?

– Да, тонкой работы. Медальоны.

– Нет.

– Так вот, для действительно тонкой работы на твердом металле, – оживленно принялся пояснить Джек, – делают два отпечатка.

Я не понимал, что он говорит и зачем.

– Сначала берут штамп и делают отпечаток номер один, перенося на гладкий металл грубые основные черты. А потом используется штамп номер два, и именно он придает детали те тонкие линии и чудесную отделку, которые вы видите на настоящих медальонах. Приходится так делать потому, что второй штамп, тот, который с деталями, не может оставить отпечаток на гладкой поверхности. Сначала нужно придать грубые черты штампом номер один.

Он остановился, переводя взгляд с меня на Бекки, чтобы удостовериться, что мы слушаем.

– Итак? – спросил я с легким нетерпением.

– На медальонах обычно изображают лица. И когда вы смотрите на них после штампа номер один, лицо еще не закончено. Все есть, все правильно, но детали, которые придают индивидуальность, отсутствуют. – Он пристально посмотрел на меня. – Майлз, вот на что похоже это лицо. Все есть: губы, нос, глаза, кожа и все необходимые кости. Но нету черт, нет подробностей, нет индивидуальности. Оно недоделано. Посмотрите на него! – Голос Джека зазвенел на высокой ноте. – Это как бы заготовка лица, которая ждет, чтобы на ней отштамповали окончательные, завершающие черты!

Он был прав. Я еще никогда в жизни не видел такого лица. Не то чтобы оно было вялым, этого никак нельзя было сказать. Но оно имело какой-то бесформенный, бесхарактерный вид. Это в общем-то не было лицо – еще не было. В нем не замечалось никакой жизни, никаких признаков жизненного опыта; я только так могу это объяснить.

– Кто он? – спросил я.

– Не знаю, – Джек подошел к двери и указал на лестницу, которая вела из подвала наверх. – Там, под лестницей, есть небольшой чуланчик, он отгорожен фанерой. Я там держу всякий мусор: старую одежду, поломанные электроприборы, пылесос, утюг, лампочки и всякое такое. А еще несколько старых книг. Там-то я его и нашел: мне нужна была какая-то справка, и я думал, что найду ее в этих книгах. Он там лежал на коробках с одеждой точно так, как вы видите сейчас. Ох, и испугался же я! Выскочил оттуда, как кот из собачьей будки, и крепко ударился головой, – он ощупал макушку. – Потом вернулся и вытащил его. Я думал, что он, может быть, еще жив. Майлз, за какое время мертвое тело окончательно коченеет?

– Часов за восемь-десять.

– Пощупайте его, – сказал Джек. Похоже было, что он забавляется, как человек, который много пообещал и теперь придерживается своего слова.

Я поднял неподвижную руку, придерживая ее за запястье, она была мягкой и гибкой. Даже не очень холодной на ощупь.

– Посмертное окоченение отсутствует, – заметил Джек. – Согласны?

– Согласен, – ответил я, – но ведь картина посмертного окоченения не всегда одинакова. Существуют определенные условия... – Я не знал, что еще сказать.

– Если хотите, – заявил Джек, – можете перевернуть его, но и на спине не найдете никаких ран. И на голове тоже. Никаких признаков того, что его убили.

Я засомневался, но по закону я не имел права прикасаться к мертвому телу, и только накрыл его тканью.

– Ладно, – сказал я. – Теперь куда – наверх?

– Ну да, – кивнул Джек; стоя в дверях, он держал руку на шнурке выключателя, пока мы не вышли.

Наверху, в гостиной, Теодора включила свет, расставила пепельницы, приветливо пригласила нас садиться, потом пошла на кухню и через минуту вернулась без фартука. Она уселась в легком кресле, мы с Бекки на тахте, а Джек устроился в кресле-качалке у окна. Почти вся передняя стена его гостиной представляет собой огромный сплошной лист стекла, так что можно видеть огни всего города, разбросанного среди холмов. Это замечательная комната.

– Хотите выпить? – спросил Джек.

Бекки покачала головой, а я сказал:

– Нет, спасибо, но вы на нас не обращайте внимания.

Джек с женой тоже не стали пить.

– Мы пригласили вас, Майлз, – заговорил Джек, – не только потому, что вы врач, но и потому, что вы умеете смотреть фактам в лицо. Даже если факты не такие, какими им положено быть. Вы не из тех, кто вылезет из кожи вон, доказывая, что черное – это белое только потому, что так удобнее. Для вас вещи таковы, какими они есть, в чем мы имели случай убедиться.

Я пожал плечами и ничего не сказал.

– Что вы можете добавить насчет того тела внизу? – спросил Джек.

Некоторое время я молча крутил пуговицу на пиджаке, пока не отважился сказать:

– Видимо, кое-что могу. Это бессмысленно, совершенно глупо, но я много бы дал, чтобы сделать вскрытие этого тела, потому что знаете, что я рассчитывал бы там найти? – Я посмотрел на всех – Джека, Теодору, Бекки, но никто не ответил; все сидели в напряженном

ожидании. – Думаю, что я не смог бы найти никакой причины смерти. Я полагаю, что органы в таком же безупречном состоянии, как кожа. Все в порядке, вполне работоспособно.

Я дал им некоторое время, чтобы обдумать мои слова; произнося их, я чувствовал себя последним идиотом и в то же время был совершенно уверен в своей правоте.

– Это еще не все. Я уверен, что, когда доберусь до желудка, там внутри ничего не будет. Ни крошечки, ни единой частички еды, переваренной или непереваренной – ничего. Пусто, как у новорожденного. То же и в кишечнике – ни кусочка кала, ничего. Нигде ничего. Почему? – Я снова оглядел всех. Потому что я считаю, что тело никогда не умирало. Нет никакой причины смерти, потому что смерти не было. Оно никогда не умирало, так как никогда не жило. – Я пожал плечами и откинулся на тахте. – Вот так. Нравится?

– Еще бы, – отозвался Джек, энергично кивая головой.

Женщины молча наблюдали за нами.

– Мне этого вполне достаточно. Я только ждал подтверждения.

– Бекки, – обернулся я к ней, – а ты что думаешь?

Она мрачно покачала головой, потом произнесла:

– Я... поражена. И вообще, я не прочь выпить.

Все мы улыбнулись, и Джек поднялся было, но Теодора сказала: «Я сама» и встала с места.

– Всем по одной? – спросила она и отправилась на кухню.

В тишине, которая воцарилась в комнате, мы задумчиво закурили, неторопливо передавая друг другу сигареты и спички; через некоторое время вернулась Теодора и раздала стаканы. Каждый из нас немного пригубил, и тогда Джек сказал:

– Именно так я считаю, и Теодора тоже. Дело в том, что я ей не рассказывал о своих впечатлениях. Я просто дал ей посмотреть на это и сформулировать собственное мнение, так же, как и вам, Майлз. И это она первой сделала сравнение с медальонами: мы когда-то видели, как их изготавливают. – Джек вздохнул и покачал головой. – Мы целый день говорили и думали об этом, Майлз, а потом решили обратиться к вам.

– Вы больше никому об этом не говорили?

– Нет.

– Почему вы не вызвали полицию?

– Не знаю. – Джек взглянул на меня с легкой улыбкой. – У вас есть желание ее вызвать?

– Нет.

– Почему же?

Настала моя очередь улыбнуться.

– Не знаю. Но не хочу.

– То-то же, – кивнул Джек.

Некоторое время мы молча посасывали коктейль. Джек не спеша гонял льдинки в своем стакане, внимательно приглядываясь к ним, потом медленно произнес:

– Я чувствую, тут надо делать что-то большее, чем обращаться в полицию.

Сейчас не тот случай, когда можно переложить ответственность на кого-то.

Да и что, в конце концов, может сделать полиция? Это не труп, и мы это знаем. Это... – он дернул плечом, и лицо у него помрачнело, – это что-то страшное. Что-то... я даже не знаю, что. – Он поднял взгляд и посмотрел на всех нас. – Я только знаю и каким-то образом уверен в том, что мы не имеем права допустить здесь ошибку. Что существует выход – разумный, единственно правильный выход, одна-единственная вещь, которую нужно сделать, – и если мы ее не сделаем, если ошибемся, произойдет что-то ужасное.

Я спросил:

– Что сделать, например?

– Не знаю. – Джек повернулся и посмотрел в окно. Потом опять перевел взгляд на нас и едва заметно улыбнулся. – У меня неудержимое желание... обратиться непосредственно к президенту в Белый дом, или к начальнику штаба армии, шефу ФБР, в морскую пехоту или кавалерию, к кому угодно. – Он покачал головой, криво усмехаясь собственной решительности. – Майлз, я имею в виду вот что: нужен кто-то – неважно кто, лишь бы это был тот самый человек, который усвоил бы сразу и бесповоротно, насколько это важно. И я хочу, чтобы он, или они, сделали то, что нужно, без ошибки. А все дело в том, что человек, с которым я бы связался, даже если он выслушал бы и поверил мне, может оказаться совсем не тем человеком, который поступит наилучшим образом. В чем бы это ни заключалось. Но одно я знаю наверняка – это дело не для городской полиции. Это... – он опомнился, сообразив, что повторяется, и замолчал.

– Знаю, – откликнулся я. – У меня точно такое же чувство – что все надежды мира сосредоточены на нас.

В медицине иногда, в тяжелых ситуациях, ответ или ключ к решению возникает практически ниоткуда; видимо, это делается где-то в подсознании.

Я спросил:

– Джек, какой у вас рост?

– Метр семьдесят пять.

– Точно?

– Ну да. А что?

– А какой, по-вашему, рост у тела внизу?

Он внимательно посмотрел на меня, потом произнес:

– Метр семьдесят пять.

– А вес ваш какой?

– Семьдесят. – Он кивнул. – Да, примерно столько же весит и тело. Вы попали в яблочко: у него мои размеры и строение тела. Однако оно не очень похоже на меня.

– И еще. У вас есть штемпельная подушечка?

Он повернулся к жене:

– Есть у нас?

– Что?

– Штемпельная подушечка? Для экслибрисов.

– Да. – Теодора поднялась и подошла к столу. – Где-то тут есть. – Она нашла подушечку, Джек взял ее, потом из другого ящика вынул лист бумаги.

Я подошел к столу, и Бекки вслед за мной. Джек намазал краской подушечки всех пяти пальцев правой руки и протянул их мне. Я взял его кисть, придавил пальцы, старательно раскатывая каждый, к листу бумаги и получил полный ряд четких отпечатков. Потом я взял подушечку и лист.

– Пойдете, девушки? – указал я на дверь.

Они посмотрели друг на друга, их совсем не тянуло возвращаться к этому бильярдному столу, но и оставаться тут одним не хотелось. Бекки сказала:

– Не хочу, но пойду.

Теодора тоже кивнула.

Внизу Джек включил лампу над бильярдом. Она слегка покачивалась, и я придержал ее за абажур. Но пальцы у меня дрожали, и я только сделал хуже.

Все равно она качалась то в ту, то в другую сторону: яркий круг перемещался с одного края стола на противоположный, оставляя на мгновение гладкий лоб в полутьме. Создавалось впечатление, что тело немного шевелится. Я схватил кисть правой руки, сосредоточившись на ней и стараясь не смотреть на лицо. Я намазал краской кончики всех пяти пальцев, потом положил лист бумаги с отпечатками пальцев Джека на широкий борт бильярда, рядом

с правой рукой тела. Поднял его руку, положил ее на белый лист и сделал отпечатки всех пальцев точно под отпечатками пальцев Джека.

Бекки застонала, когда мы увидели то, что вышло, да и всем нам стало не по себе. Потому что одно дело рассуждать о теле, которое никогда не было живым, о заготовке. Но совсем другое дело, затрагивающее что-то первобытно-глубинное в мозгу, когда эти рассуждения подтверждаются.

Никакого рисунка не было: было пять абсолютно гладких, непроницаемо черных кругов. Я старательно стер краску с пальцев, и все мы наклонились, столпившись под раскачивающейся лампой, и уставились на потемневшие кончики этих пальцев. Они были гладкими, как у новорожденного. Теодора тихо пробормотала:

– Джек, мне сейчас будет плохо.

Он обернулся, подхватил ее – она уже сгибалась пополам – и потащил наверх.

В гостиной я сказал Джеку, покачивая головой:

– Я знаю, как это правильно назвать. Это заготовка, которая не завершена и ждет окончательной доводки.

Он кивнул:

– Что делать? Вам что-нибудь приходит в голову?

– Конечно, – какое-то время я молча смотрел на него. – Но это только предположение. И если вы с ним не согласитесь, никто вас обвинять не станет, и я меньше всех.

– В чем дело?

– Не забывайте, это только предположение. – Я повернулся к Теодоре. Но если вы считаете, что не выдержите, не нужно пытаться, предупреждаю вас. – Я снова взглянул на Джека. – Оставьте тело там, где оно лежит, на столе. Сейчас вы пойдете спать, я дам вам снотворное. – Я посмотрел в сторону Теодоры. – А вы не ложитесь, не давайте себе засыпать ни на минуту. Каждый час, если сможете, спускайтесь в подвал и смотрите на это... тело. Если вы заметите хотя бы небольшие изменения, бегите наверх и немедленно будите Джека. Выведите его из дома – оба убегайте из дому как можно скорее – и приезжайте ко мне.

Джек какое-то время смотрел на Теодору, потом спокойно произнес:

– Если ты считаешь, что не сможешь выдержать, скажи «нет».

Она кусала губу, не поднимая глаз от дорожки на полу, потом встретила взглядом со мной, с Джеком.

– Как это... будет выглядеть? Какие произойдут изменения?

Никто не ответил, и она опять опустила взгляд, покусывая губу. Свой вопрос она уже не повторяла.

– А Джек проснется? – вновь произнесла она. – Я смогу его сразу разбудить?

– Конечно. Ударите по щеке – мигом подскочит. Слушайте: даже если ничего не произойдет, разбудите его, если почувствуете, что больше не выдерживаете. Тогда можете вместе приехать ко мне на все остальное время, если захотите.

Она кивнула и опять уставилась в пол. Наконец она выговорила:

– Думаю, что смогу. – Она мрачно взглянула на Джека. – Раз уж я знаю, что смогу разбудить его в любой момент, думаю, что выдержу.

– Может, останемся с ней? – спросила Бекки.

Я пожал плечами.

– Не знаю. Наверное, не нужно. По-моему, оставаться должны только те люди, которые здесь живут, я не уверен, что иначе это сработает. Хотя не знаю, почему я так говорю; это только предчувствие, интуиция. Тем не менее я считаю, что здесь должны находиться только Джек с Теодорой.

Джек кивнул и, спросив взглядом согласия Теодоры, сказал:

– Мы попробуем.

Потом мы еще немного посидели и поговорили, поглядывая на огни города в небольшой долине внизу. Но тема была исчерпана, и где-то около двенадцати, когда огни в основном уже погасли, мыс Бекки встали и начали прощаться.

Беличеки оделись и поехали с нами, чтобы подобрать машину Джека. Он оставил ее на Саттер-плейс, за полтора квартала от кинотеатра. Мы остановились там, и, когда Беличеки выходили, я еще раз напомнил Теодоре, чтобы она разбудила Джека, и они оба оставили дом, если с телом в подвале будут происходить какие-нибудь изменения. Я достал из саквояжа несколько таблеток секонала и дал их Джеку, объяснив, что одной достаточно для крепкого сна. Потом они попрощались – Джек с легкой улыбкой, а Теодора даже не пыталась изобразить ее, сели в свою машину и поехали домой.

Когда я вез Бекки пустыми улицами, она тихонько спросила:

– Майлз, тут нет связи? Между этим и... тем, что с Вильмой?

Я удивленно посмотрел на нее, но она уставилась прямо перед собой.

– Ты думаешь? – небрежно поинтересовался я. – Видишь тут связь?

– Да. – Она не смотрела на меня в поисках подтверждения, а просто уверенно кивнула.

Потом добавила: – Были еще подобные случаи?

– Несколько. – Следя за асфальтом в свете фар, я краем глаза поглядывал на Бекки.

Она сидела молча, не шевелясь. Потом мы выехали на ее улицу, и когда я остановил машину напротив ворот ее дома, Бекки произнесла, не поднимая глаз:

– Майлз, я хотела тебе рассказать, – начала она неторопливо, спокойным тоном, – у меня такое чувство, что... – вдруг ее прорвало, – что мой отец вовсе не мой отец!

Бросив испуганный взгляд на темную веранду своего дома, Бекки спрятала лицо в ладонях и разрыдалась.

Глава 5

У меня не очень богатый опыт обращения с рыдающими женщинами, но в книжках я читал, что нужно прижать девушку к себе и дать ей возможность выплакаться. И это всегда оказывается самым разумным и целесообразным.

Итак, я повел себя разумно и целесообразно. Я привлек Бекки к себе и не мешал ей плакать, потому что понятия не имел, что мне делать или говорить.

После того, что мы недавно видели в бильярдной Джона Беличека, я уже не знал, как отвечать Бекки, если она будет утверждать, что ее родной отец самозванец или кто-то чужой, только внешне похожий на отца.

Но как бы там ни было, мне нравится держать Бекки в объятиях. Она вообще такая – не большая и не маленькая, и все у нее в самый раз. Кругом на улице было тихо и спокойно, а в машине Бекки удобно полулежала у меня на руках, прижимаясь щекой к моей груди. Мне было не по себе, страшновато даже, но все равно очень приятно было чувствовать возле себя живое тепло Бекки.

Когда рыдания, затихая, перешли в прерывистые всхлипывания, я спросил:

– Может, ты сегодня останешься у меня? – Меня бросило в жар от одной только мысли об этом. – Я буду спать внизу на диване, а ты займешь любую комнату...

– Нет. – Бекки высвободилась, не поднимая головы, чтобы я не видел ее лица, и стала копаться в сумочке. – Я не боюсь, Майлз, – спокойно объяснила она, – только волнуюсь. – Она достала пудру и, склонившись к освещенной приборной доске, тщательно припудрила потеки от слез. – Это как если бы папа был болен, – добавила она. – Немного не в себе, но... – она примолкла, подводя губы, потом посмотрела на себя в зеркальце. – Нет, мне сейчас не время уходить из дому, – закончила она, щелкнув пудреницей, но затем посмотрела на меня и улыбнулась. Вдруг Бекки наклонилась и поцеловала меня в губы – тепло и крепко. Потом открыла дверцу и выскользнула из машины. – Пока, Майлз! Позвони утром. – Быстрой походкой она зашагала по мощеной дорожке к темному дому.

Я проводил взглядом ее хорошенькую округлую фигурку, прислушиваясь к легкому стуку ее туфелек по дорожке, услышал, как она легко взбежала по лестнице, увидел, как ее фигура исчезла во мраке веранды. Через минуту хлопнула дверь, и наступила тишина. Я долго сидел, покачивая головой и припоминая, что думал о Бекки в начале этого вечера. В конце концов, вряд ли из нее выйдет этакий добрый приятель, волей случая расхаживающий в юбке. Стоит только привлечь к себе хорошенькую девушку, которая тебе нравится, подумал я, дать ей немного поплакать, и тут же чувствуешь себя рыцарем, нежным и сильным. Дальше к этому начнет примешиваться секс, и если ты не слишком осторожен, даже не заметишь, как уже влюблен. Я усмехнулся про себя и включил мотор. Значит, я буду осторожен, вот и все.

Мне никак не хотелось жениться вновь, когда повсюду еще были обломки первого брака. На повороте я оглянулся на дом Бекки, большой и белый в слабом свете звезд, и убедил себя, что, хотя она мне и очень нравится, хотя она и весьма привлекательна, я смогу выбросить ее из головы без большого труда, что я и сделал.

Я ехал по безмолвному городу, размышляя о Беличеках, оставшихся в доме на холме. Я был уверен, что Джек сейчас спит, а Теодора, возможно, смотрит на город сквозь окно гостиной. Вполне вероятно, что она сейчас следит за фарами моего автомобиля, не догадываясь, что это я. Я представил себе, как она пьет кофе, возможно, курит сигарету, пытаюсь перебороть страх перед тем, что лежит у нее под ногами, в бильярдной, – и набирается решимости спуститься туда, нащупать выключатель, а затем поднять взгляд на это белое, как воск, тело, лежащее на зеленом сукне стола.

Часа через два, когда зазвонил телефон, лампа у моей кровати еще горела: я взялся было читать в уверенности, что не засну, но заснул немедленно. Было три часа – это я отметил механически, протягивая руку к трубке.

– Алло, – произнес я и одновременно услышал, как на том конце трубка упала на рычажок. Я знал, что ответил на первый же звонок, как бы я ни уставал, я всегда слышу телефон и отвечаю мгновенно. – Алло, – повторил я чуть громче, дунул в микрофон, но ответа не было, и я положил трубку. Год тому назад девушка с коммутатора, которую я знал даже по имени, сообщила бы мне, кто звонил. Конечно, в такое время у нее на доске горела бы одна-единственная лампочка, и она бы помнила, чей это телефон, потому что вызывали врача. Но теперь у нас современные телефоны, с дисками, замечательно удобные тем, что экономят вам чуть ли не целую секунду, а то и больше, всякий раз, когда нужно звонить; чрезвычайно совершенные и чрезвычайно бестолковые: ни один из них не способен запомнить, где в данный момент находится врач, когда он позарез нужен для заболевшего ребенка. Иногда мне кажется, что мы сознательно изгоняем из нашего быта все человеческое.

Присев на край кровати, я устало выругался. С меня уже было вполне достаточно – звонков, событий, тайн, прерванного сна, женщин, которые привязываются именно тогда, когда хочешь, чтобы тебя оставили в покое, собственных мыслей – всего на свете. Я закурил сигарету, заранее зная, какой мерзкий вкус у нее будет – так и оказалось, и мне захотелось выбросить сигарету, но я дососал ее до конца. А когда я отшвырнул окурочку, выключил свет и почти заснул, послышались неровные шаги на лестнице, переливы звонка, всегда неожиданно шумные ночью, и сразу же быстрый растерянный стук в стекло входной двери.

Это были Белички – Теодора с широко раскрытыми глазами, с белым, как мука, лицом, совершенно неспособная говорить, и Джек с каким-то сумасшедшим взглядом, в котором застыло мертвое спокойствие. Ничего не говоря, мы помогли Теодоре подняться по лестнице, уложили ее в постель, укрыли одеялом, и я сделал ей инъекцию успокаивающего.

Джек присел на край кровати и долго следил за женой, держа ее за руку и всматриваясь в лицо. Я сидел в пижаме в противоположном углу, пока Джек наконец не поднял взгляд на меня. Я заговорил, умышленно не понижая тона:

– Она будет спать несколько часов, не меньше, Джек, может быть, даже до восьми или девяти утра. Потом она проснется голодная, и с ней все будет в порядке.

Джек утвердительно кивнул, еще несколько секунд смотрел на жену, направляясь к двери, а я вышел вслед за ним.

У меня большая гостиная, стены оклеены простыми серыми обоями, мебель родители купили еще в двадцатые годы. Это большая приятная комната, которая, по-моему, еще сохраняет простоту и уют, характерные для быта предыдущего поколения. Мы с Джеком сели в разных концах гостиной со стаканами в руках; после нескольких глотков, уставившись в пол, Джек начал рассказывать:

– Теодора разбудила меня, дергая за воротник рубашки, я спал одетый, причем так хлестала по щекам, что у меня зубы щелкали. Я услышал, как она, – Джек поднял на меня мрачный взгляд (он всегда тщательно подбирает слова), – не то чтобы зовет меня, а только выговаривает мое имя каким-то приглушенным отчаянным стоном: «Джек... Джек... Джек».

Он мотнул головой, будто прогоняя увиденное, прикусил нижнюю губу, потом отпил немалый глоток.

– Я проснулся, и с ней случилась истерика. Она ничего не говорила, только посмотрела на меня каким-то безумным взглядом, а потом бросилась к телефону, набрала твой номер, чуть подождала, не выдержала, бросила трубку и стала кричать мне – приглушенно, будто кто-то мог услышать, – чтобы я ее забрал оттуда.

Джек скривился, крайне недовольный собой.

– Не сообразив, я взял ее за руку и повел в гараж по подвальной лестнице. Она стала упираться, пытаясь высвободить руку и толкая меня в плечо с обезумевшим видом. Майлз, наверное, она выцарапала бы мне глаза, если бы я не отпустил ее. Мы вышли через парадную дверь. Но она так и не приблизилась ни к подвалу, ни к гаражу – стояла на дорожке, в отдалении, пока я вывел машину.

Джек отхлебнул из стакана и задумчиво всмотрелся в блестящую черную тьму за окном.

– Не знаю точно, что она там увидела, – он взглянул на меня, – но могу догадываться, как и ты. У меня не было времени пойти посмотреть самому, я понял, что надо забирать оттуда Теодору. Она ничего не рассказала мне по дороге, только сидела нахохлившись, вздрагивая, тесно прижимаясь ко мне и повторяя «Джек, о Джек!» – Некоторое время он мрачно смотрел на меня. Что-то мы доказали, Майлз, наверняка, – вымолвил он наконец со спокойной горечью. – Эксперимент, по-моему, сработал.

Я не знал, что ответить, да и не делал вид, будто знаю, а только покачал головой.

– Хотел бы я взглянуть на это, – наконец пробормотал я.

– Я тоже. Но сейчас я не оставлю Теодору одну. Если она проснется и позовет, а я не отвечу, и в доме никого не будет, она сойдет с ума.

Я промолчал. Бывает так, что за одно мгновение в голове проносится целый рой мыслей – вот такое сейчас происходило со мной. Я представил, как еду к дому Джека, останавливаю машину возле пустого жилья, выхожу в темноту, прислушиваясь к стрекоту кузнечиков в тишине. Потом вообразил, как шагаю к раскрытой двери гаража, шаркая по темному подвалу, ощупывая руками стену в поисках выключателя. Почти воочию я увидел, как захожу в непроглядную тьму бильярдной, на ощупь пробираюсь к столу, зная, что там лежит, подхожу ближе и ближе к стене с вытянутыми вперед руками, надеясь, что они прикоснутся к столу, а не к этому неживому телу во тьме.

Представил, как натыкаюсь на стол, нащупываю, наконец, лампу, включаю ее, опуская глаза, чтобы посмотреть на то, что довело Теодору до истерики, и мне сделалось жутко. У меня не было ни малейшего желания делать то, что я заставил сделать Теодору. Не хотел я ехать в этот дом ночью, да еще один.

Внезапно я разозлился на себя. Я искал оправданий, уверял себя, что сейчас не время ехать туда, и одновременно знал, что мы должны действовать, должны что-то делать. Свой гнев и смущение я направил на Джека.

– Слушай, – я вскочил на ноги, злобно поглядывая на него, – что бы мы ни собирались с этим делать, мы должны начинать! У тебя есть что сказать? Придумал что-нибудь? Что нам, черт побери, делать? – Я чувствовал, что у меня начинается нечто вроде истерики.

– Не знаю, – медленно выговорил Джек. – Но мы должны действовать осторожно, проверять каждый шаг...

– Ты это говорил! Ты это уже говорил вечером, и я согласен, согласен! Ну и что? Мы не можем сидеть сложа руки, пока нам не откроется единственный верный шаг! – В конце концов я овладел собой. Мне кое-что пришло в голову, и я кинулся через комнату, на ходу бросив Джеку, что со мной, мол, все в порядке. Затем я поднял телефонную трубку и набрал номер.

В трубке послышались гудки, и я невольно усмехнулся. Я ощущал какое-то злорадное удовлетворение. Когда врач-терапевт берется за частную практику, он заранее знает, что его будут поднимать с постели, скорее всего, до конца его дней. Он и привыкает к этому, и не привыкает. Потому что в большинстве случаев ночной звонок означает что-то серьезное – перепуганные люди, с которыми нужно иметь дело, и все оказывается гораздо хуже; вполне возможно, что придется поднимать с постели аптекаря, а то и обращаться в больницу. И за всем этим – скрытые от больного и его семьи – ваши собственные ночные страхи и сомне-

ния в самом себе, которые тоже нужно преодолеть, потому что сейчас все зависит от вас и никого другого, вы врач. Ночной звонок не шутка, поэтому иногда нельзя не позавидовать тем специалистам, у которых никогда или почти никогда не бывает срочных вызовов.

Когда гудки на другом конце наконец прекратились, я криво усмехнулся, представив себе доктора Манфреда Кауфмана с всклокоченными черными волосами, полузакрытыми глазами, удивленного – кто бы это мог звонить.

– Алло, Мэнни? – сказал я, когда он отозвался.

– Угу.

– Слушай, – я говорил озабоченным тоном, – я тебя случайно не разбудил?

От этого он окончательно проснулся и принялся отчаянно ругаться.

– В чем дело, доктор, – поинтересовался я, – где это вы научились такой лексике? Думаю, вы ее извлекли из грязного и скользкого подсознания ваших пациентов. Как бы мне хотелось быть главным косторезом, который берет двадцать пять зеленых за один взмах скальпеля, чтобы сидеть, слушать и совершенствовать свой лексикон. Ни одного назойливого ночного звонка! Ни одной скучной операции! Ни одного вонючего рецепта!

– Майлз, какого черта тебе нужно! Предупреждаю, я положу трубку и выключу этот распроклятый...

– Ладно, ладно, Мэнни, слушай. – Я все еще улыбался, но тон мой не обещал никаких шуток. – Кое-что случилось, Мэнни, и мне нужно тебя видеть. Как можно быстрее, причем тут, у меня. Приезжай сюда, Мэнни, поскорее – это важно.

Мэнни парень сообразительный, до него быстро доходит, и ему не нужно ничего повторять или объяснять. Помолчав минутку, он сказал:

– Ладно, – и положил трубку.

С чувством огромного облегчения я вернулся к своему стулу и стакану.

Если и звать кого-то на консультацию, то Мэнни первый, кого я хотел бы видеть. Сейчас он направлялся сюда, и я ощущал, что мы все-таки что-то делаем. Я взял стакан, готовый сесть, и уже раскрыл было рот, чтобы обратиться к Джеку, когда произошло то, о чем часто читаешь, но редко испытываешь. В один миг меня проняло холодным потом, я застыл на месте, дрожа от ужаса.

Произошла в общем-то несложная вещь – я кое о чем подумал. Что-то пришло мне в голову, опасность настолько очевидная и ужасная, что я сообразил: мне нужно было подумать об этом уже давно, но я этого не сделал. И теперь, охваченный страхом, я понял, что не имею права терять ни секунды. Не снимая с ног легких туфель, я бросился в переднюю, схватил со стула свой плащ и ринулся к двери, на бегу просовывая руки в рукава. Мной управляла одна-единственная мысль: невозможно делать ничего другого, только бежать, действовать... Я напрочь забыл о Джеке, забыл о Мэнни, когда рванул на себя дверную ручку и выбежал в ночь. Я уже взялся за дверцу «форда», но вспомнил, что ключи от машины остались наверху, а возвращаться за ними было просто невозможно. Я пустился бегом изо всех сил – не знаю почему, но мне показалось, что тротуар мешает, замедляет скорость, я перепрыгнул через зеленую полосу газона и понесся темными пустыми улицами Санта-Миры.

На протяжении двух кварталов я бежал, никого не встретив. Дома вдоль улиц стояли темные и молчаливые, и единственным звуком во всем мире было стремительное шлепанье моих туфель по асфальту и мое громкое пыхтение, которое, казалось, заполняло всю улицу. Вдруг впереди на перекрестке мостовая осветилась, сразу стала яркой, и в свете фар приближавшейся машины стали видны каждый камешек и трещинка на ее поверхности. Я уже не мог ничего соображать – только бежал, бежал прямо на яркий слепящий свет.

Заскрежетали тормоза, завизжала резина по асфальту, и блестящий край бампера зацепил за полу моего плаща.

– Т-ты, сукин сын! – заорал мужской голос с нечеловеческими от страха и злости нотками. – Идиот бешеный!

Где-то позади слова слились в неразборчивое бормотание, а ноги, послушно топая, несли и несли меня дальше в темноту.

Глава 6

Я чуть ли не на ощупь добрался до дома Бекки. Сердце, казалось, гнало всю кровь в голову, к глазам, и я ничего не видел. Мое тяжелое дыхание стоном отражалось от стен дома. Я начал проверять окна в подвале, изо всех сил толкая каждое внутрь обеими руками, перепрыгивая по траве от окна к окну. Все они были заперты. Я обошел дом, намотал плащ на руку, приложил кулак к стеклу и начал постепенно давить, пока стекло не треснуло. Один обломок упал внутрь и разбился с легким звоном. По всему переплету побежали трещины, несколько обломков подались внутрь, но остались на месте. Я уже немного пришел в себя и в слабом свете звезд стал осторожно вынимать куски один за другим, сбрасывая их в траву и расширяя отверстие.

Потом я просунул туда руку, отпер окно, раскрыл его и полез внутрь, нащупывая ногами пол. Фонарик-авторучка во внутреннем кармане больно прижался к груди. Распрямившись, я включил его.

Крохотный луч был слишком слаб и расплывчат и светил всего на два-три шага. Я медленно продвигался в темном незнакомом подвале, обходя кучи старых газет, покрытые ржавчиной железные двери, прислоненные к стене, заляпанные краской ободранные козлы, старый сундук, поломанный рукомойник, кучу каких-то железок, деревянные прямоугольные опорные столбы, покрытую пылью огромную фотографию в рамке – выпускной класс Бекки – и стал уже испытывать некоторую растерянность. Время шло, а я не находил того, что должно было быть где-то тут и что я обязательно должен был найти, если не было уже слишком поздно.

Я попробовал открыть сундук. Он оказался незапертым, и я засунул руку по самое плечо, ощупывая старую одежду, которой был заполнен сундук, пока не сообразил, что там больше ничего нет. Ничего не было среди старых газет и за прислоненной к стене дверью, ничего в стоявшем в углу книжном шкафу – его полки были заставлены потрескавшимися пустыми цветочными горшками. Я нашел деревянный станок, заваленный инструментами и обрезками дерева, под ним валялось множество досок и брусков. Как можно тише я отодвинул в сторону большую часть досок, но все же произвел немало шума. Под станком тоже ничего не было, кроме деревяшек. Я осветил фонариком пустые, покрытые пылью и паутиной полки станка. А время шло, и я уже обыскал весь подвал. Я не знал, где еще искать, и поглядывал на окна, опасаясь увидеть первые признаки рассвета.

Но вот мне попался большой шкаф. Он был выстроен вдоль самой дальней стены, на всю ширину подвала, от потолка до пола. В мигающем свете фонарика я сначала решил, что это просто стена, и не заметил шкафа. Я открыл первую дверцу – на полках стояли консервы. Растворил соседние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.